

В июле 1942 года Клавдия Милорадовой пришлось совершить многодневный пеший поход вместе с группой Елены Колесовой в район озера Палик. Там размещались Минско-Борисовский межрайком компартии Белоруссии, командование партизанской зоны во главе со Стариком (П.А.Жуковичем) и объединенный партизанский госпиталь. В госпиталь нужно было доставить раненую партизанку, поэтому «марш-бросок» через крайне опасные районы совершался к тому же еще и с тяжелыми носилками. Разумеется, транспортировка раненой не могла быть единственной целью этого рискованного предприятия, но, к сожалению, архивные документы не позволяют прояснить ситуацию. <...>

Путь предстоял долгий и трудный – около 150 километров с переходом через несколько усиленно охраняемых гитлеровцами автомобильных трасс и железную дорогу, мимо набитых полицаями и фольксжандармерией деревень. На базе партизанского отряда «Коммунист», откуда девушкам предстояло отправиться в дорогу, им выделили надежных провожатых: ребята должны были по очереди нести носилки и быть готовы в случае необходимости принять бой.

- Вот это – Костя Костроменко, старший группы сопровождения, а это – Шурка-москвич, ваш проводник, – сказал командир отряда Василий Карпович Деруго, показав на крепкого высокого парня и худенького мальчика-подростка.

- Совсем малыш! Такие у меня за партами сидели, – умилилась Клавдия, глядя на нежное детское личико проводника.

- Шурка – разведчик опытный, не подведет, – поспешил заверить девушек Василий Карпович, заметив их недоверчивые взгляды.

И маленький москвич с карабином и кобурой на ремне повел группу к месту назначения. «Никогда им нас не победить – у нас против них даже дети воюют!» – вспомнила Клавдия Зоины слова.

- Тебе сколько лет-то, малышок? – ласково спросила она пацаненка.

- В мае двенадцать исполнилось, – нехотя бросил он в ответ, всем своим видом давая понять, что неформальное общение «в задании» не доставляет ему удовольствия.

К вечеру вышли на огромную поляну-аэродром, где партизанские отряды Березинского и Червеньского районов встречали по ночам грузы с Большой земли. Всё уже было готово для костра – и припрятанные в лесу охапки хвороста, и пещера, специально

вырытая командой по приемке грузов. Ведь сигнальные костры зажигались лишь тогда, когда вдалеке уже слышался рокот мотора, а тут можно было спокойно поджидать самолет, греясь у незаметного с воздуха огня.

- А если немца приманите? - спросила Лёля.

- Исключено! Наши «слухачи» моторы безошибочно различают. У немцев с подвыванием работают, а наши ровно, басовито гудят, - объяснили ребята.

Несколько человек встали в охранение. Остальные поели и легли спать.

Глядя на отблески костра, рядом с которым где-то там, в пещере, стояли носилки с раненой, Клавдия вспомнила Зину Морозову. <....> Повернувшись на другой бок, она увидела сидящих поодаль Шурку и Костю: проводник что-то горячо доказывал командиру сопровождения. У Клавдии больно сжалось сердце при мысли о том, что с этим мальчуганом тоже может что-то случиться, что он может никогда не увидеть своей Москвы, не стать взрослым. «Нет, нет! - запротестовала она, отгоняя мрачные думы. - Ты должен жить, малыш! Ты выживешь, обязательно выживешь!»

Утром хлопчик объявил им, что из-за медленного темпа продвижения маршрут придется сокращать.

- На Рованичи пойдем, через Слободу, - сказал он Лёле. - Ведрецкий тракт днем будем переходить.

Та послушно кивнула.

- С носилками среди бела дня, при интенсивном шоссежном движении? - шепнула ей Клавдия.

Но Лёля спорить с проводником не стала.

Когда подошли к шоссе, тот, оставив у ребят свой карабин и ремень с кобурой, неспешно двинулся вдоль дороги, засунув в карман правую руку с «Вальтером». Вскоре все услышали условный сигнал, и партизаны под прикрытием «девичьего фланга» быстро перенесли раненую через шоссе. А потом прикрыли переход девушек.

Отряд уже скрылся в лесу, а их проводник все не появлялся. «Куда же он делся-то?» - заволновалась Клавдия, но видя спокойствие сопровождающих, постепенно успокоилась и сама. Через некоторое время Шурка возник перед ними будто из-под

земли. «Молодец, пятерка с плюсом!» – порадовалась за него бывшая учительница.

Обойдя Рованичи, они двинулись вдоль большака в сторону Борисова. Шли медленно, то и дело прячась в придорожном редколесье от пролетающих мимо машин и мотоциклов. Разведчицы нервничали, понимая, что их мелькающие за деревьями фигуры могут быть замечены с дороги. Всех инстинктивно тянуло в соседний лес: казалось, сделай несколько шагов – и ты в безопасности. Но Шурка углубляться в лес категорически запретил: там начинались непроходимые болота. «Если он москвич, то откуда все это знает?» – думала Клавдия.

Сделав еще один длинный крюк в обход Борисова, со стороны Смолевичей, они очутились у железнодорожного полотна, среди густо растущих березок. «Странно, почему их не вырубил?» – удивились девушки (опасаясь нападения партизан, фашисты давно очистили от леса широкие полосы по краям шоссе и железных дорог). Оказалось, рощица сохранилась из-за своего особого положения: она росла между путями и колючей проволокой, опоясывавшей территорию военного гарнизона в Печах. К этому единственному на «железке» природному укрытию и вывел группу всезнающий «малышок». «Еще одна пятерка!» – оценила его работу Клавдия.

Железную дорогу переходили ночью, а потом целый день отсиживались в неглубоком овражке: впереди было «форсирование» Березины и последний «бросок» – по правому берегу реки, к переправе через Палик.

Поздно вечером, на пятые сутки пути, подошли к броду. Он находился у железнодорожного моста, перекинутого через Березину на окраине Борисова.

- Брод – на виду у охраны, будем ждать безлунной ночи, – распорядился Шурка.

Разведчицы переглянулись: это прозвучало как «у моря погоды» – стояли ясные, солнечные дни, не сулившие никакой облачности.

- Может, есть другой брод, подальше от моста? – осторожно поинтересовалась Лёля.

- Другого нет, – отрезал парнишка.

Во время их вынужденной стоянки он все время куда-то уходил. «Изучает подходы, ориентиры ищет», – догадалась Клавдия.

Долгожданные тучки все-таки появились. Они скрыли луну, а вместе с ней и...Шуркины ориентиры на противоположном берегу. Выход был один: проводник

переходит реку со шнуром из парашютных строп, по которому затем перебираются остальные. Но хлопчик почему-то стоял в растерянности.

- Мы пойдем вдвоем, так надежней, - поспешила на помощь Лёля, первой сообразившая, что сильное течение моментально собьет мальчика с ног.

- Давайте уж тогда втроем - так еще надежнее будет, - предложил Костя.

Взявшись за руки, прощупывая палкой дно, они перебрались на противоположный берег. Шурка остался держать шнур, по которому двинулись в обратный путь Лёля с Костей. Потом из воды вышли еще несколько человек - они сразу же залегли на берегу, чтобы в случае опасности отвлечь на себя охранников. Вот уже рядом осторожно поставили носилки. Последней переправилась Лёля.

Вскоре «малышок» привел их в какую-то землянку. А сам опять куда-то убежал - не обсохнув, не передохнув. Потом вернулся, переговорил о чем-то с Колесовой и опять исчез.

- На хутор пошел, - объяснила Лёля. - Разузнает что там и как, потом за нами придет.

До хутора добрались лишь к вечеру: тропинку, по которой они переходили болото, затянуло водой, и идти с носилками было так тяжело, что ребята сменяли друг друга чуть ли не каждые десять минут.

- Вы идите побыстрее вперед, на хутор, пока они ее несут, а то поесть не успеете, - посоветовал девчатам заботливый провожатый.

Но те наотрез отказались оставить раненую.

Строгая, монашеского вида хуторянка в повязанном «галочкой» платке с двумя такими же кроткими, молчаливыми дочерьми водрузили на стол «царское» угощение - чугунок вареной картошки и принесенную из погреба кринку молока.

- Лодки готовы, можно идти, - доложил через некоторое время подошедший к Лёле Шурка.

Поглощенная вкусной горячей едой, Клавдия не заметила его отсутствия за столом (как, впрочем, и бородатого хозяина).

- Ты что же, малышок, голодным остался?! Так не годится! - возмутилась она.

Но в этот момент наблюдательная хозяйка уже сунула провожатому узелок с «бульбой».

На противоположном берегу озера горели три костра. У среднего сигналили чем-то вроде горящего факела – должно быть, поленом. Потом костры погасли. Лишь изредка, через равные промежутки времени, вспыхивало в наступившей темноте сигнальное пламя. Грести пришлось против внезапно поднявшегося сильного ветра, поэтому переправа заняла около трех часов. На берегу прибывших ожидала большая группа партизан и несколько подвод. Все вздохнули с облегчением: здесь начиналась партизанская зона.

- Ты – Шурка-москвич? – громко спросил проводника командир встречавшей группы. – Тебе приказ: срочно возвращаться на базу. Видать, нужен ты там, так что двигай обратно, прямо сейчас.

Клавдия подбежала к Шурке, когда он с хозяином хутора уже направлялся к лодкам. Хотела было обнять, да ведь обидится.... Похлопала по плечу: «Будь здоров, малышок! Не поминай лихом!»

- Клава, быстрее, ты всех задерживаешь! – крикнула ей Лёля.

Девушки спешно грузились на телеги, позабыв в суматохе о доставившем их сюда отважном мальчике. «Нехорошо получилось, – переживала Клавдия. – Мы ведь его даже не поблагодарили». Она неотрывно смотрела в темноту, где все еще слышались тихие всплески весел, сиюсь разглядеть удаляющуюся лодку. Только бы выжил! Только бы вырос!..

***

Москвичом Шурка был не по рождению, а «по происхождению». Это его родители были москвичами, а он, Шурка, появился на свет в Минске, потому что здесь в одном из родильных домов работала операционной сестрой его бабушка (мамина мама). Рос он тоже в основном не в Москве, а в странах пребывания папы-дипломата – Латвии, Польше, Австрии, Венгрии, Чехословакии. Весной 1937 года папу неожиданно вызвали из Праги домой, но на границе их всех почему-то сняли с поезда и.... Короче, больше Шурка папу не видел. Через несколько месяцев арестовали маму (в качестве жены «врага народа» она провела в лагере 18 лет!) А Шурку отправили «на родину» — к

бабушке в Минск, где его потом и застала война.

24 июня, когда всё кругом рушилось и полыхало, Шурка в ужасе убежал куда-то на окраину города. А вечером обнаружил на месте своего дома дымящиеся головешки: весь их деревянный квартал сгорел при первом же вражеском налете. В тот день он потерял и бабушку: в больнице, где она дежурила, никто не мог сказать ничего определенного – то ли спешно с больными эвакуировалась, то ли мечется где-то по разбомбленному городу в поисках внука.

Шурка искал бабушку целых три дня – ночевал в опустевших казармах, кормился продуктами, добытыми на брошенном складе. А 28-го стало совсем страшно: в город ворвались немцы. И тогда Шурка решил отправиться пешком в родную Москву. По дороге и «легенду» сочинил: приехал, мол, из столицы на отдых в пионерлагерь – тот, что в Новоельне, под Барановичами, а когда его разбомбили, все оставшиеся в живых дети разбежались кто куда. Вот и он теперь домой пробирается. «Легендирование» было грамотным: о бомбежке новоельнинского лагеря Шурка слышал в Минске. Так и продвигался он от деревни к деревне, пока не встретил трёх вышедших из окружения офицеров. Окруженцы согласились взять Шурку с собой, «в партизаны». Так что «легенда» ему и в отряде пригодилась: не рассказывать же о случившемся с папой и мамой!

Он, конечно, никогда не верил, что родители могли сделать что-то плохое своей стране. Они любили Родину, честно служили ей, и его, Шурку, этому учили, и если бы они могли, то, конечно, тоже пошли бы бить фашистов. Поэтому Шурка считал своим долгом воевать за их память. А если он когда-нибудь с ними встретится, то тем более нужно постараться, чтобы они увидели не труса, а храброго бойца.

Так юный разведчик отряда «Непобедимый» стал «Шуркой-москвичом». Через год он уже прекрасно ориентировался в окрестных лесах, знал все болотные тропки и запросто переходил «железку» под самым носом у немецких часовых. Шуркиной «специальностью» была связь с борисовскими подпольщиками, хотя однажды командир его и в Минск посылал, в самое «звериное логово». Да и проводок у «москвича» в первый год войны набралось порядочно – побольше, чем у многих взрослых. Проводками партизаны называли сопровождение к местам назначения разведывательно — диверсионных групп и отдельных разведчиков. От намеченного проводником маршрута, его смекалки и умения зависели человеческие жизни, ведь в дороге можно было нарваться не только на немецких охранников и патрулей, но и на более бдительных «бобиков» (полицаев).

Что же касается «москвича», то Шурке этот оперативный псевдоним очень нравился. «Завтра будет Москва» – скажет, бывало, отрядный радист, устало снимая наушники, и кто-нибудь обязательно подмигнет ему, Шурке: готовься, мол, москвич, – твои земляки летят. Слово «Москва» означало в данном случае самолет «У-2» или «Дуглас», которому они будут махать на поляне кепками, пилотками, фуражками. Промелькнув у них над головами, самолет пойдет на обратный разворот, потом снова появится над поляной, и тогда от него один за другим отделятся маленькие белые комочки. Приветственно помахав крыльями, пилот возьмет курс на восток, а с неба к нему спустятся грузовые парашюты с огромными мешками. В них могут оказаться ручные пулеметы в густой смазке, патроны в цинковых коробках, гранаты, пистолеты, автоматные диски, питание для раций, а еще, конечно, табак и связки столичных газет. А из парашютов они себе белья нашьют. Да и мешки в дело пойдут – из них куртки смастерить можно будет. «Ну и расстаралась твоя Москва, ну и уважила!» – растроганно скажет Шурке какой-нибудь партизан, и «москвич» опять почувствует себя именинником.

За время своего боевого пути Шурке пришлось сменить 3 отряда. Это всё из-за ранений. После первого отправили в отряд «Коммунист» (из бригады имени Н.А.Щорса). Но, как оказалось, опять не насовсем: в 1942 снова зацепило, и вновь он очутился в партизанском госпитале, а когда поправился, опять попал в другую бригаду и другой отряд. На сей раз это был отряд имени М.В.Фрунзе (из бригады имени С.М.Кирова). Там Шурка выполнял в основном диверсионные задания. Однако и тут ему не было суждено довоевать до Победы: в августе 1943 опять ранило, теперь уже серьезно – инвалидность дали.

Шуркина память надежно хранила лица отрядных командиров и борисовских подпольщиков, имена боевых товарищей; он хорошо помнил свои успешные «подрывы», выходы в Борисов, рискованную вылазку в Минск. А вот многочисленные пути-дороги слились для него со временем в одну непрерывную «киноленту». В ней Шурка всё время куда-то шел – то один, то впереди какой-нибудь группы. Он то пробирался куда-то по окраинам деревень, то прощупывал палками болотные броды. Он ночевал в бесконечных темных лесах, отсиживался в бесчисленных оврагах, без конца перебегал «железки» и шоссе. Иногда «пленка» останавливалась, но эти «стоп-кадры» хранились в другой памяти – «памяти сердца». Мальчишка-подросток, он ведь что оголенный провод: в этом возрасте всё переживается на пределе – и радости, и огорчения. Одно такое огорчение Шурка, как ни старался, долго не мог забыть...

Было это летом 42-го. Шурке тогда ответственное задание дали: доставить группу разведчиц в район Палика, в бригаду имени В.И.Чапаева. Около недели топали. Да еще

и носилки с раненой в партизанский госпиталь несли. Ох и пришлось же тогда Шурке голову над маршрутом поломать! Времени в обрез, раненой плохо, а кругом то деревни с «бобиками», то охранники, то болота. Да оно бы все ничего, если бы только одна из разведчиц не взялась его «малышком» называть. И главное – при всех! При ребятах из группы сопровождения, потом на хуторе у староверов, при дядьке Кирилле. Они-то все Шурку давно знали – перед ними ему за свою репутацию бояться было нечего. Но все равно ведь неприятно! Сказала бы «хлопчик» или «пацан», а то «малышок»! Шурка и без того немного стеснялся незнакомых тетенок, а тут еще эта «мамаша» (они ее Клавой называли). Сама-то, наверное, школу окончить не успела. У нее, правда, был на гимнастерке орден Красной Звезды. Ну и что? Разве это дает право других бойцов унижать? Их командир, между прочим, кроме Красной Звезды, еще и орден Красного Знамени имела, но она же с Шуркой по-взрослому, как с равным общалась!

В общем, терпел он этого «малышка» до самого Палика. Но если бы только это! Провел их туда Шурка, как говорится, без сучка без задоринки. Обычно после проводки командир ему руку жал, а все «спасибо» говорили. А тут, как с лодок на берег повыскакивали, так и след простыл – давай сразу на подводки грузиться. В Шуркину сторону и не оглянулся никто, будто они одни к озеру пришли. А ему ведь тут же приказали на базу возвращаться, так хоть бы поинтересовались, как он один обратно-то пойдет. До чего ж ему тогда обидно было! Даже в отряде заметили – спрашивали: «Что стряслось-то?» Командир отряда, правда, потом сказал, что группа ему уже радировала – просили якобы проводнику благодарность передать. Но Шурка, понятно, в это не особенно верил.

Зато с другой проводки он прямо как с праздника вернулся. Тоже на всю жизнь запомнил. Это в том же году было, в сентябре. Кто-то из партизанских разведчиков доложил, что недалеко от их лагеря незнакомые люди расположились – в военной форме, без знаков различия, зато с пистолетами и автоматами ПДД. Называют себя спецгруппой из Москвы. А самое интересное – командир их с немецким акцентом говорит! Начальник штаба вместе с еще одним партизаном сразу же на ту поляну засобирались и Шурку с собой прихватили – упросил.

«Русский немец» нашим подполковником оказался, хоть и имя у него нерусское было – Артур Карлович Спрогис. Он их московским чаем угостил, с сахаром и галетами, а потом попросил разрешения «немного поэксплуатировать сего юного отрока» (это Шурку, стало быть), сказал, что им надо по округе «побродить». Самое интересное, что этот Спрогис уже откуда-то знал, как Шурка тех девчат с носилками на Палик водил. Поблагодарил, похвалил. Шурку, конечно, отпустили, и он несколько дней «бродил» с московской спецгруппой.

До чего же ему этот Артур Карлович понравился! Сколько он дельных советов Шурке дал! От него Шурка даже новые слова узнал, очень важные – «дислокация», «дислоцироваться». У них в отряде так никто не говорил, а Шурка, как с задания вернулся, так и выдал командиру: проводил, мол, спецгруппу к месту дислокации! Надо было видеть, как все на него посмотрели! И такая радость у него в душе тогда осталась!

После третьего ранения Шурку срочно отправили в Москву. Как же он ревел, когда его на носилках с лесного аэродрома в «Дуглас» грузили! Всё умолял: «Товарищ командир! Николай Николаевич! Не отправляйте меня – я здесь у вас быстрее поправлюсь!» Его все, конечно, успокаивали: в родную столицу летишь, вот прооперируют – тогда опять повоюем. А Шурка все равно слезы по лицу размазывал: не мог же он сказать всем этим людям, что, кроме них, у него теперь на всем белом свете никого не осталось. Совсем никого.

Потом была долгая борьба за спасение раненой руки – многочисленные операции в Москве, Минске, Риге... В рижском госпитале судьба, сжалившись над израненным мальчишкой, преподнесла ему сразу два подарка: здесь его разыскала бабушка, а пальцы на руке стали понемногу приобретать подвижность.

В латвийской столице Шурку приютила семья двоюродной сестры его отца. Там юный ветеран окончил среднюю школу, потом мореходку. Однако долго ходить по морям не пришлось: в пароходстве стало известно о судьбе Шуркиных родителей, и матроса Ульянова уволили «в связи с невозможностью соответствующего использования на судах Морфлота СССР». Это называлось «волчьим билетом»: устроиться на работу с такой записью в трудовой книжке в те годы было практически невозможно. Но мир, как известно, не без добрых людей. На сей раз они обнаружили на Рижской киностудии, куда Шурку взяли осветителем, «не заметив» крамольной формулировки. А в 1949 году он вновь стал уважаемым человеком: осветителю вручили орден Красной Звезды! Награда искала бывшего партизана целых 6 лет, ведь в соответствии с придуманной «легендой» он во всех документах указывал свой довоенный московский адрес.

Разглядывая орден, Шурка почему-то вспомнил худенькую девушку с такой же Красной Звездой на гимнастерке. Ей тогда, наверное, было столько же, сколько ему сейчас. Выходит, если бы не последнее ранение, он мог бы получить свою Звезду уже в 43-м, в 13 лет, и, возможно, опять повстречал бы где-нибудь на узких партизанских дорожках ту Клаву с косами. Вот бы удивилась: орден-то у «малышка» – точно такой же, как у нее! Вообще-то зря он тогда на нее злился. Она добрая была. Прямо как

старшая сестра она ему была, а потом единственная из всей группы попрощаться подбежала. Сказала, как приказала: «Будь здоров, малышок!» Может, потому и не убили...

***

В январе 1962 года молодой кинооператор Центральной студии научно-популярных фильмов Александр Ульянов спускался по лестнице старинного особняка на Кропоткинской. Здесь находился Советский комитет ветеранов войны. 5 лет назад Александра привела сюда Тамара Лисициан, вместе с которой он учился тогда во ВГИКе. Во время войны Тамара была бойцом в/ч №9903 особого назначения. <...> Она-то и рассказала Александру о существовании СКВВ – организации, где ему могут помочь найти боевых друзей, получить положенные льготы.

Тамара не обманула: Александру восстановили свидетельство об инвалидности, оформили пенсию. И тогда он решил, что должен обязательно помочь другим. Несмотря на загруженность на студии, он теперь постоянно ездил в Подольск, где находился военный архив, кому-то звонил, рассылал во все концы страны письма, запросы, документы. Сколько людей вспоминали потом неутомимого «Сан Саныча»! Сколько искренних, сердечных «спасибо» услышал он на своем послевоенном веку!

Спускаясь в тот день по знакомой мраморной лестнице, он вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Снизу на него внимательно смотрела изящная женщина в строгом черном костюме. Ее лицо показалось Александру знакомым.

- Малышок?.. Шурка?

- Он самый! А Вы...

- Выжил. Вырос, – со счастливым вздохом констатировала вместо ответа собеседница, глядя на рослого Александра.

- Я – Клава, – спохватившись, добавила она. – Помнишь? Ты нас летом 42-го на Палик провожал.

Примостившись в креслах, они не заметили, как пролетело несколько часов. Потому что время потекло вспять – туда, где горел в пещере партизанский костер, петляла среди кочек скользкая болотная тропинка, плескались темные волны ночного озера и

было еще очень далеко, так далеко до Победы...

- Ты прости, что мы тебе тогда «спасибо» не сказали. Девчонки очень жалели, когда вспомнили. Они ведь почти все погибли, в том числе и Лёля. Только 2 в живых остались - Нина Шинкаренко (теперь она Флягиной стала) да Тоня Лапина <...>

В феврале Александр Ульянов был принят в дружную семью спрогисовцев.

- Знакомьтесь, друзья: это Малышок, белорусский партизан. Прошу любить и жаловать, - представила гостя Клавдия Александровна. Поведать о подвигах «Малышка» она не успела, потому что в этот момент раздался голос статного ветерана с внушительным «иконостасом» на пиджаке:

- Ба-а, знакомые все лица!

Его породистое лицо Александр явно где-то видел. И этот акцент...

- Никакой это, товарищи, не «Малышок». Это Шурка-москвич, партизанский разведчик. Он и у меня в группе проводником был, когда мы под Борисовом десантировались. Ну что, Шурка, вспомнил меня?

- Вспомнил, Артур Карлович! Я всегда о Вас помнил! Я ведь тогда от Вас слово «дислокация» узнал! - как ребенок, обрадовался неожиданной встрече Александр.

Все рассмеялись.

- Поэтому я присоединяюсь к Милорадовой, - продолжал Спрогис, - и прошу Вас не только любить и жаловать Шурку-москвича, но и отныне считать его своим.

Так оператор (а впоследствии и режиссер) студии «Центрнаучфильм» стал спрогисовцем. Он подружился не только с Клавдией Милорадовой, но и со многими другими ветеранами легендарной войсковой части. Родным и близким человеком стала с тех пор для него и погибшая Лёля Колесова, Встречаясь в Минске с боевыми друзьями, он обязательно заезжает в Крупки, чтобы положить цветы к ее памятнику.

А в Москве на Лиственничной аллее, по инициативе ветеранов в/ч № 9903 особого назначения имя Елены Колесовой было присвоено школе-интернату № 25, в котором Лёля работала старшей пионервожатой. Школьники-следопыты создали там музей, где ежегодно 11 сентября встречались вместе со спрогисовцами родственники погибших разведчиц группы «Лена». На одной из таких встреч Шурку-москвича приняли в

почетные пионеры дружины, а потом наградили почетным знаком интерната. Сегодня эти драгоценные реликвии хранятся у него рядом с партизанскими и кинематографическими наградами.

В декабре 2012 года к ним добавились орден святого апостола Андрея Первозванного, а также знак и диплом Международной премии Андрея Первозванного «За веру и верность», врученные на торжественной церемонии в Государственном Кремлевском дворце <...>

С.Г.Галаганова «О вечных сраженьях, о вечной любви...» М.: Культурная революция, 2015 г. С. 236-252.